

Без лица

Янлин Чун

Янлин плохо запомнила остаток вечера и ночь, потому что ей тут же поставили капельницу с чем-то, отчего она уснула, а когда проснулась, то была уже в палате. Не было сил даже поднять руки, но на лице ощущалось что-то постороннее, а обожженные пальцы были забинтованы. Янлин так и не узнала, что у нее на лице, потому что то засыпала снова, то ненадолго просыпалась, чтобы попросить воды, а потом опять забывалась сном. Окончательно она проснулась уже утром и долго "смотрела" в потолок палаты, хотя это трудно было назвать рассматриванием в полном смысле этого слова, потому что Янлин по-прежнему почти ничего не видела. В палате, кажется, были закрыты жалюзи или шторы, что там было, потому что свет не резал глаза.

Ей очень хотелось ощупать лицо, но забинтованные кончики пальцев никакого представления, что с ним, не дали, потому что ими Янлин ничего не чувствовала. А то, что чувствовала, тоже оказалось забинтовано - на лице у нее был плотный слой бинтов. Чуть позже ей удалось позавтракать, хотя лицо плохо подчинялось, особенно губы, и кормили ее с ложки, как маленькую. У Янлин не было даже сил на то, чтобы злиться, она находилась в каком-то оцепенении, потому что пока все было для нее настолько непривычным, что она даже не знала, как ей ко всему относиться.

Половину утра она так и просидела в кровати, глядя то в потолок, то в стены, точнее, туда, где они должны были быть. Она попросила медсестру надеть ей наушники и включить музыку, чтобы хоть чем-то заняться, но зарядка в телефоне быстро закончилась.

Юншэн Лю

Юншэн провел вечер, стоя под горячим душем, чтобы восстановить энергию и избавиться от ша-ци. С утра он чувствовал, что может снова работать с энергией, и как раз узнал от Чуна сяншена, что Янлин можно навестить. Юншэн поехал в клинику и, выяснив, где находилась Янлин, зашел к ней в палату. Он не привозил с собой никакие продукты, потому что помнил, что у девушки сильно обожжены губы, и она наверняка могла есть только какие-то каши с ложечки или через трубочку, но он привез букет из розовых и белых роз. Он зашел в палату.

- Янлин, это я, - сказал Юншэн и подошел к девушке.

Следом за ним подошла санитарка, которая принесла вазу с водой и поставила в неё цветы. Юншэн провел рукой по волосам Янлин. На ней были повязки, её покрасневшие глаза оставались немного мутными - врачи в клинике не могли ускорять время лечения. Они делали то, что было в их силах.

- Как ты себя чувствуешь? Твой папа сказал, что заедет к вечеру, - добавил Юншэн.

Янлин Чун

Янлин не знала, сколько времени она так просто просидела, потому что не видела

часов, а спрашивать у медсестр было бы бесполезно - ну и что ей даст это время? Она теперь никуда не торопится, может хоть весь день так сидеть, и никому не будет дела. И она ждала, когда придет кто-нибудь, Юншэн или папа, или Айлин, да сейчас она была рада бы "видеть" даже Чжана Шу. Но пришел все-таки Юншэн.

Она по привычке перевела взгляд со стены на Юншэна, но вместо него увидела только расплывчатый силуэт, где можно было только интуитивно отличить тело от головы, а потом тут же опустила голову вниз, позволяя волосам закрыть изуродованное и закрытое бинтами лицо. Логика в ее действиях было абсолютно никакой, потому что вчера она выглядела наверняка страшнее, а Юншэн успел рассмотреть ее лицо, а теперь оно закрыто бинтами и не такое...отвратительное. Хотя для Янлин не было никакой разницы, вчера и сегодня.

Она не знала, что ответить на вопрос о ее самочувствии. Если она скажет, что хорошо, он ей поверит? Янлин невыразительно пожала плечами. У нее было странное желание убежать и спрятаться, чтобы остаться одной, и вместе с тем ей было страшно, что она будет лежать тут целыми днями, а к ней так никто и не придет.

- У меня пальцы болят, - о том, что у нее помимо них болело еще и все лицо, наверное не надо было уточнять, это и так ясно.

Юншэн Лю

Санитарка вышла из палаты, а Юншэн сел на стул возле кровати Янлин и взял девушку за руку. Он задержал ладонь над перебинтованными пальцами, чтобы погасить синей ци всполохи боли, но он все же надеялся, что в клинике боль будут снимать лекарствами, а ему хватит энергии, чтобы долечить глаза Янлин. Юншэн считал, что для начала это было важнее ран на коже.

- Хочешь, я позову медсестру, чтобы тебе дали обезболивающее? - предложил он. - Я сейчас хочу заняться твоими глазами. Ты же все еще видишь только свет и размытые пятна?

С вернувшимся зрением Янлин будет не так скучно ждать выздоровления. Можно будет хотя бы сидеть в телефоне или смотреть телевизор, который был в палате. Но Юншэн все равно рассчитывал, что лечение ран девушки не отнимет у него много времени. Ему не хватит пары дней, чтобы залечить все ожоги, да еще и без рубцов, но постепенно он должен был справиться. И его в последнюю очередь волновало, что об этом будут думать местные врачи, когда заметят, что заживление проходит не так, как они привыкли.

Янлин Чун

- Не хочу, - она покачала головой, и темные волосы закачались по обе стороны от ее лица. Или того, что от него осталось. Ей не хватило духа спросить у врача, который приходил к ней утром, что там с ее лицом, потому что боялась, что он скажет, что все ОЧЕНЬ плохо. Янлин никогда раньше не видела тех, кого обливают кислотой, но воображение рисовало ей весьма красочные подробности, такие, что зомби из сериала "Ходячие мертвецы" будут казаться эталонами красоты по сравнению с ней. - Они говорят, что нельзя делать его слишком часто.

Она почувствовала, что Юншэн взял ее за руку, и от его прикосновения боль в кончиках пальцев начала стихать. А вчера ему удалось убрать боль со всего лица. Янлин не понимала, как он это делает, как вообще мама или Тео, или он могут лечить вот этой энергией, но это и правда работало.

- От света еще глазам больно, - не больно, но неприятно на грани боли, и Янлин не нашла подходящего для этого слова. Она по-прежнему не поднимала головы, и ее собственные колени перед ее взором выглядели как белое размазанное нечто, но белое каким-то не белым, а мутным цветом. Ей хотелось домой, к своим не-белым простыням и пододеяльникам, где мама и папа рядом, а еще Тай, Тео и Айлин. Знала бы, вообще не пошла в этот день на учебу, осталась дома спать до обеда и смотреть телевизор.

Юншэн Лю

- Ляг пока на спину, я наберу воду, - сказал Юншэн.

Он зашел в ванную, включил кран и собрал текшую из него воду в небольшую сферу, которую держал над ладонью. С этой водой Юншэн вернулся в палату к Янлин. Вода впитывала ша-ци и позволяла экономить силы, и с её помощью маг Воды мог сделать больше, чем просто с чистой ци.

- Постарайся держать глаза открытыми, но, если будет очень неприятно, можешь моргать, - сказал Юншэн.

Вода окутала веки Янлин, и Юншэн поднес ладонь ближе. Сначала он вытянул боль и возникшее за ночь воспаление, после чего стал восстанавливать ткани сначала с помощью желтой, затем - синей ци. Он все равно тратил много энергии, потому что спешил, пока никто не зашел в палату и не отвлек его от работы.

- Сейчас глаза восстановятся, - сказал Юншэн. - Но какое-то время будет неприятно смотреть на яркий свет. Это скоро пройдет.

Он смотрел за тем, как сквозь помутневшую воду пробивалось свечение ауры, которая восстанавливалась следом за тканями. Когда Юншэн счел, что роговица достаточно зажила, он вылил воду в стоявший на подоконнике цветок.

- Посмотри на меня, - попросил он Янлин.

Янлин Чун

Янлин опустилась ниже по подушкам и легла на спину, как просил Юншэн, ее взгляд опять уперся в потолок, который казался грязно-белым и довольно-таки бесконечным, потому что расплывался, не имея четких краев. Кому-то могло показаться это странным, но к потере зрения она относилась спокойнее, чем к тому, что у нее обожжено все лицо, на котором останутся ужасные шрамы. Что ей зрение, если с таким лицом она не сможет выйти на улицу, и ей придется всю жизнь прятаться от чужих взглядов, когда раньше она ловила их на себе восхищенные и завистливые? Сейчас они будут жалостливые. Если вообще еще не будут отворачиваться от отвращения.

Она старалась не моргать, но ощущения в глазах были не самыми приятными, словно что-то шевелилось где-то внутри. Это было не щекотно, а просто как-то странно, потом начало казаться, что в глаза насыпали песка и на них выступили слезы. Янлин не удержалась и все-таки моргнула, а потом поняла, что потолок постепенно обретает четкость. Янлин какое-то время смотрела более осмысленно смотрела на потолок, пока Юншэн куда-то отошел, а потом посмотрела на него.

Она снова видела так же хорошо, как и раньше. Янлин слабо улыбнулась, но вряд ли эту улыбку было видно за бинтами.

- Спасибо, - она приподнялась на подушках. - Мне сказали, что я смогу видеть нормально не раньше, чем через месяц.

Юншэн Лю

- Через месяц все это останется только страшными воспоминаниями, - ответил Юншэн, глядя в глаза Янлин.

Её взгляд снова стал ясным. Глаза были немного покрасневшими, но в палате не было яркого света, который причинял бы девушке беспокойство. Юншэн очень хотел бы помочь Янлин быстрее, чтобы за один день вылечить все её раны, чтобы она больше не чувствовала боли и не волновалась, останутся ли шрамы. Но он должен был расходовать силы рационально, только так он смог бы полностью вылечить раны.

- Может, тебе привезти что-нибудь? Журналы, книги? - предложил он. - Я вечером снова к тебе приеду. Отец согласился открыть в Пекине офис нашей фирмы, мне в обед нужно туда заехать, чтобы решить вопросы с ремонтом, а потом я вернусь сюда.

А к ночи, когда его отсюда выгонят, можно было ехать домой и заниматься каталогами, которые Юншэн еще вчера планировал отправить дизайнерам, но не успел закончить перевод. Он не хотел грузить всем этим Янлин, считал, что разберется и все равно справится.

Янлин Чун

Ей бы очень хотелось, чтобы это было правдой. Она еще не успела окончательно отойти от происшествия с кетаминном, как снова во что-то вляпалась. Это уже было не весело. Весело убегать от телохранителя, а задыхаться или слепнуть, получив в лицо заряд кислоты - не весело.

- Лучше привези мне зарядку для телефона. У меня он разрядился, я даже музыку не могу послушать. А книг и журналов не надо. Папа сказал, что заберет меня, как будет можно, я не хочу оставаться тут надолго.

Она мечтала через пару дней оказаться дома. Лучше она будет ездить на перевязки каждый день, чем торчать тут в этих стенах, от которых, кажется, становится только хуже. А дома ей будет намного лучше, потому что там все привычно. И не пахнет лекарствами. А журналы ей Айлин привезет, если приедет. Наверняка приедет,

Янлин бы приехала, хоть и не любила больницы.

- А что в этом офисе будет? - Юншэн, кажется, рассказывал ей, чем занимается фирма его отца, но Янлин либо плохо слушала, либо не запомнила. Что-то связанное с антиквариатом, но что конкретно - непонятно. И кому только нужны эти древние вазы и прочая ерунда, да еще и платить за них очень много денег? - Что-то с этими редкостями, да?

Она почувствовала себя немного лучше теперь, когда могла нормально видеть. Она увидела цветы в вазе и долго их рассматривала, потому что никогда не обращала внимания на то, какими красивыми могут быть розы.

- Это ты принес?

Юншэн Лю

- Хорошо, привезу, - Юншэн кивнул.

Он заметил, что Янлин стала осматриваться. Теперь она хотя бы могла сама ориентироваться в пространстве, и ей должно было стать немного проще.

- Да, цветы я привез, - подтвердил Юншэн. - В этом офисе мы будем продавать клиентам всякие шелковые картины, наборы для каллиграфии, антиквариат и прочие дорогие безделушки. И привозить что-то из Европы, те же картины, ювелирные украшения и антиквариат.

В этом бизнесе можно было зарабатывать много, имея связи. У отца и деда такие связи были. Стоило найти пару-тройку очень богатых клиентов, как все их окружение резко становилось ценителями классической живописи или европейского столового серебра. И дальше нужно было держать лицо и грамотно вести разговор. Некоторым клиентам было важно заплатить побольше, чтобы почувствовать себя по-настоящему обеспеченными, они приносили хороший доход. Другие умели находить по-настоящему ценные вещи, они делали фирме рекламу. Словом, Юншэн считал, что справится.

Янлин Чун

- Они розовые и белые, - сказала она так, словно вообще впервые в жизни видела розовые и белые розы. И еще было приятно видеть их так четко, как раньше, а не этими пятнами, когда непонятно, что где. Янлин сейчас начала понимать, что раньше она ко многим вещам относилась так, словно они нечто само собой разумеющееся. Как к способности дышать, которая, оказывается, не всем может быть дана.

- А когда ты хочешь начать уже работать? - словом, как она и предполагала, скучно, но если это приносит хорошие деньги, то почему бы и нет. Зачем покупать какую-то дорогущую древнюю вазу, чтобы она стояла на полке и пылилась, покрываясь не очень драгоценной пылью, если в нее нельзя поставить цветы, потому что она иначе развалился? Хотя идея с ювелирными украшениями, которые носила, к примеру, императрица Цыси, показалась Янлин очень заманчивой. Хотя их наверняка уже все музеи купили и не осталось ни одной завалющейся брошки или

заколки для волос.

Ей правда было интересно, как и то, почему Юншэн иногда сидит на полу вместо того, чтобы сидеть на диване. Вообще начинаешь быстро переоценивать некоторые ценности, только цена, которую она заплатила, ей очень не нравилась. Янлин опустила взгляд на собственные руки - пальцы были перебинтованы, так что не представлялось возможным их увидеть, не снимая бинтов.

Юншэн Лю

Юншэн улыбнулся, когда девушка заговорила о розах. Он подумал, что ей было бы приятно, чтобы возле кровати стоял букет цветов, который немного перебивал запах лекарств, которыми пахло в любой больнице.

- Ремонт закончат на следующей неделе. Я думаю, что к концу месяца уже все будет работать. Отец приедет, нужно будет устроить какую-нибудь встречу с его знакомыми клиентами, - сказал Юншэн.

Он подумал, что Янлин тоже могла пойти на эту встречу. Но, зная её, он понимал, что для этого должен был полностью вылечить раны на её лице, иначе она не выйдет даже в ближайший магазин. Поэтому пока он не стал говорить девушке об этой идее, чтобы она не волновалась.

Юншэн проследил за взглядом Янлин, затем взял девушку за правую руку. Он поднес кончики пальцев к её пальцам и направил желтую ци на ожоги, положение которых под повязкой можно было разглядеть по красным всполохам в ауре. Он не решился сейчас снимать повязку, потому что к ним могли зайти, и пришлось бы объясняться.

Янлин Чун

- Там красиво? - спросила она. Для Янлин всегда очень важно было, чтобы красиво. А теперь она не знала, как относится к тому, что красиво, когда осознавала, что ее собственная красота стоит под вопросом. Ей придется прятать лицо. Придется пропускать университет, но за это родители наверняка не будут ругать, потому что у нее будет уважительная причина. Но если она не будет учиться, то ей перестанут давать деньги на карманные расходы, а Янлин, хоть и тратила уйму денег на косметику и дорогие вещи, все-таки решила и откладывать хотя бы какую-то небольшую часть, чтобы потом была возможность жить с Юншэном. Она вообще никогда не копила деньги, потому что получала от папы столько, сколько могла потратить, но раньше она и не планировала жить с отдельной от родителей квартире с молодым человеком...

Она вдруг зажмурилась и почувствовала, как натянулись на лице бинты и кожа или что там теперь было вместо кожи под ними. Янлин не питала никаких иллюзий и знала, что Юншэн с ней встречается в том числе и из-за ее красоты. А теперь любая девушка красивее нее. Когда она носила свою красоту как корону, ничто не могло выбить ее из седла самоуверенности. Где все это теперь? У нее ничего нет, она не такая умная, как Тай, даже не такая умная как Айлин, она не умеет ничего делать, она вообще осталась без всего. Хотела работать моделью, да кто ж теперь ее возьмет в модели.

- Что ты делаешь? - не сразу заметила она, что Юншэн как то странно держит пальцы на ее руке.

Юншэн Лю

- Сейчас там голые стены, - сказал Юншэн. - Будет в колониальном стиле. Серо-голубые стены, мебель из темного дерева, большая люстра и всякие предметы интерьера, декоративные и на продажу.

Стиль подбирал специально нанятый дизайнер, Юншэн не до конца представлял себе, как это будет выглядеть, но на картинках смотрелось солидно и красиво. Лучше, чем золото, красный шелк и прочие пошлости в стиле "дорого-богато". Компания позиционировала себя как европейская, поэтому китайского народного там не требовалось.

- Я лечу твою руку, - объяснил Юншэн. - Ожоги на пальцах не глубокие, а тебе мешают.

Свечение ауры стало выправляться, и желтая энергия сменилась синей, которая позволяла тканям зарастать правильно, без рубцов и с нормальным кожным рисунком. Когда Юншэн был уверен, что раны затянулись, он бережно развязал повязку, чтобы Янлин могла сама оценить его работу.

- Так лучше? - спросил он.

Янлин Чун

Янлин представила себе все по очереди, о чем говорил Юншэн, и собрала все воедино, получив что-то наподобие готовой картинки. Решила, что красиво. Лишь бы потом не оказалось, что ее воображение рисует лучше, чем будет в этом офисе. Но Янлин не думала, что она вообще хоть раз там окажется, деловой жилки в ней никогда не было, она ничего не смыслила в антиквариате и вообще куда ей с таким-то лицом. Точнее без него. Вряд ли Юншэн захочет всем показывать ее с этими шрамами, когда они заживут. Она и сама не захочет никому показываться.

- Должно быть красиво, - подтвердила она вслух, чтобы немного отвлечься от неприятных мыслей. У нее промелькнула мысль, что если Юншэн захочет с ней расстаться, она даже не будет сильно возмущаться. Никто не захочет жить с таким чудовищем, как она. Она снова опустила голову как можно ниже, закрывшись волосами, упавшими на лицо. так было намного спокойнее.

- Лучше, - подтвердила она, глядя на свои пальцы, сейчас абсолютно здоровые. Она пошевелила ими, отмечая, что боли нет, и ее пальцы такие же, как и раньше, с аккуратными накрашенными ноготками. Вот бы с лицом было также. - Что я скажу врачам, когда они будут менять повязки?

Вряд ли они поверят в то, что все так быстр зажило на ней, буквально за одну ночь, потому что сегодня перевязок еще не было. Янлин могла бы что-нибудь наврать, но ни одно вранье не выглядело сейчас настолько убедительно, чтобы ей могли поверить.

Юншэн Лю

Юншэн задумался. Нужно было заранее поговорить с Чуном сяншеном о том, кто в клинике знал о врачевании, чтобы можно было лечить Янлин, не вызывая лишние вопросы.

- Скажи, что не знаешь, в чем дело, - Юншэн улыбнулся. - Хочешь, завяжу повязку обратно?

Наверняка больше вопросов возникнет с глазами, а не с рукой. Юншэна мало волновало, что подумают врачи, если они не будут больше необходимого доставать Янлин. Он хотел, чтобы её раны зажили как можно быстрее, а остальное пусть решают специально обученные люди. Её отец был не последним человеком для этой клиники, решит что-нибудь. Из рекламных проспектов в регистратуре Юншэн уже понял, что плешивый человек в халате поверх костюма, панибратски звавший Чуна сяншена Кысей, - это главврач.

- Фирма сняла мне квартиру на три месяца, - сказал Юншэн. - Потом буду платить за неё сам, если все получится с офисом. Когда тебя разрешат отсюда забрать, хочешь поехать ко мне, а не к родителям?

Так ему было бы легче заниматься её ранами. К тому же сифу Грей могла скоро вернуться домой, а ей ни к чему было волноваться в её состоянии.

Янлин Чун

- Лучше завяжи, - решила Янлин. - Пусть завтра меняют повязки и сами думают, как так вышло.

Тогда к ней не будет никаких вопросов, потому что она сама не смогла бы развязать бинты. Но сначала Янлин подняла руку и коснулась кончиками пальцев бинтов на лице. Лицо почти ничего не чувствовало, поэтому она не могла сказать наверняка, где у нее что сожжено, но теперь, чем дальше она ощупывала, тем полнее понимала, что обожжено все. От лба и до подбородка. Теперь она свое лицо точно не узнает. Она сглотнула, потому что в горле вдруг откуда-то взялся горький комок, который мешал дышать.

- Ты что, не видишь? - она содрогнулась, уронила руку на одеяло. - Я никогда не буду такой красивой, как раньше! - у нее даже нос форму поменял, а после того, как повязки снимут, там будет одна сплошная рана, и она заживет таким же сплошным шрамом. Если заживет. - Ты хочешь со мной жить? С такой уродиной?

Лучше бы ее просто убили, зато сразу, чем сделали с ней такое. Тогда бы ей не пришлось жить с этим уродством, зная, что оно отравит ей все существование. Янлин не знала, кто с ней такое сделал, но наверняка это был человек, который сильно ее ненавидел. Она не сможет выйти из дома, она даже в зеркало на себя не сможет посмотреть без отвращения.

Юншэн Лю

Юншэн не успел вернуть на место повязку, когда Янлин решила ощупать бинты, закрывавшие её лицо. Нужно было быстрее соображать, чтобы этого не допустить. А сейчас её накрывало осознание того, что с ней случилось. Юншэн знал, что Янлин очень гордилась своей красотой, и сейчас он не мог представить, насколько ей было плохо. Но он точно знал, что все равно хотел быть с ней. Даже если бы не был уверен в своих способностях вылечить эти раны.

- Янлин, я все вижу. И все равно хочу с тобой жить. И все равно люблю тебя ничуть не меньше. Мне страшно, потому что тебе плохо, но я буду с тобой, - сказал Юншэн. Он взял Янлин за руку и стал заматывать бинт. - Ты снова будешь красивой, я обещаю. Я добьюсь этого, потому что это важно для тебя. Ты видела, как зажила рука. Лицо тоже заживет, просто мне нужно больше времени.

Он не знал, как убедить Янлин в том, что вся эта ситуация была временной. Что ей нужно было подождать, пока её можно будет забрать из клиники, и пока он будет день за днем залечивать следы ожогов на её лице.

Янлин Чун

- Рука не лицо! - Янлин не хотела плакать, она считала себя сильнее этого, но за эти два дня она столько всего вынесла, что сразу почувствовала, как глаза плывут. - Руку можно спрятать в перчатку, а лицо я куда спрячу?

Если бы можно было его вылечить так же быстро, как сейчас он вылечил руку, она бы даже не волновалась на этот счет. Но Юншэн не мог назвать ей сроки, и это больше всего пугало Янлин. Сколько? Месяц, два, три, полгода? А ведь пальцами она только едва коснулась лица, тогда как на него пришелся полный заряд кислоты, сколько бы ее там ни было. А ей никто не рассказал, что с ее лицом, хотя она просила сначала Юншэна, а потом и папу сказать, насколько там все плохо.

- Я не смогу ходить в университет, - угрюмо продолжила она, не глядя на Юншэна. Ей вдруг захотелось остаться одной. - Не смогу даже из дома выйти.

Для Янлин это было мукой. Она привыкла всегда идти туда, куда ей хотелось бы пойти - в торговый центр, в кафе, в кино, в парк, да даже просто до соседнего магазина. А теперь она будет ограничена стенами квартиры. Нет сильной разницы, какой именно, родительской или квартиры Юншэна. Это все равно уже будет не то. Ей было жалко себя. Она не должна была оказаться в этой ситуации. Кто угодно, только не она.

Юншэн Лю

Янлин его снова не слышала, она была в своих мыслях, которые были безрадостными. Юншэн видел, что в них бесполезно искать логику, потому что рука зажила, и перчатка не требовалась. Но Янлин думала только о том, что сейчас было с её лицом.

- Ты же сразу не хотела идти в университет, пошла туда, чтобы родители отстали? - напомнил Юншэн. - Вот и отдохнешь пока от него, у тебя есть повод не ходить.

Сложно было искать аргументы против эмоций, потому что Юншэн не мог сейчас в

полной мере понять, что чувствовала Янлин. Она была в ужасе от своего состояния, и этот страх не давал ей мыслить критически. Юншэн не знал, как бы он повел себя в подобной ситуации, он не мог её судить, он мог лишь пытаться до неё достучаться, чтобы ей помочь.

- А когда все заживет, сможешь ходить, куда захочешь. Давай придумаем, куда пойдём первым делом? - предложил он. - Хочешь, в Запретный город? Или в какой-нибудь клуб?

Янлин Чун

Он ничего не понимал. Ему было сложно понять, что университет - гарантия ее независимости, потому что пока она учится, ей дают больше свободы, она даже может задерживаться вечером, а не возвращаться в одиннадцать. Хотя Янлин редко злоупотребляла этой привилегией - когда Юншэн был занят, ей все равно нечего было делать на улице допоздна. Да и как будто она в университет ходит только чтобы учиться! У нее появился кто-то вроде подруги, с которой они сидели на парах, ведь у Янлин никогда не было подруг, не считая Айлин, конечно. Но больше ее беспокоило, что так ей могут переставать давать деньги на карманные нужды. С другой стороны, если она не будет никуда выходить из дома, то деньги, получается, ей автоматически уже будут не нужны?

Она саркастически, как-то зло улыбнулась. Как будто до этого она так часто ходила в Запретный город, что теперь жить без него не может. Она не знала, как объяснить то, что просто возможность выйти из дома, неважно куда, будет уже чудом. Особенно если от нее не будут шарахаться люди.

- Все равно куда, - ответила Янлин. Ей было обидно, что чья-то злая выходня перечеркнула всю ее жизнь. Да, может быть, у нее и не было никаких особенных на нее планов, она не хотела становиться президентом, первой женщиной в космосе или что-то в этом роде, но это была ее жизнь, почему с ней так поступили?

Юншэн Лю

Юншэн увидел, что Янлин попыталась улыбнуться или усмехнуться, но с обожженными губами было сложно понять её настоящую мимику. Скоро он снова сможет видеть её привычное лицо, а не эти слои бинтов, скрывавшие глубокие раны.

- Янлин, сейчас мне нужно уезжать. Но я вернусь вечером. Тебе только зарядка для телефона нужна? - спросил он.

Чун сяншен говорил, что тоже приедет, но поздно вечером, когда сможет. Юншэн считал, что лучше сам привезет Янлин то, что ей могло понадобится. Он планировал освободиться довольно быстро, а с переводами засесть уже ночью, когда нельзя будет сидеть в клинике. Юншэн не хотел уезжать. Он чувствовал какое-то смутное беспокойство, которое объяснял тем, что Янлин будет плохо сидеть одной в палате и ничего не делать.

- Хочешь, я сейчас на посту у медсестер спрошу, может они пока смогут зарядить твой телефон? - предложил он.

Янлин Чун

- Больше ничего не надо, - повторила она. Янлин была даже немного рада, что Юншэну нужно уходить. Она испытала облегчение, поняв, что сейчас ей больше не надо будет изображать из себя иллюстрацию надежды на лучшее будущее, а можно остаться одной и попытаться смириться с мыслью, что ее лицо теперь будет похоже на один огромный шрам.

- Спроси, - она пожала плечами. Разве что она послушает музыку, чтобы не сидеть в тишине, но ей не хотелось сейчас выходить ни в какие соцсети, смотреть на других девушек, улыбающихся и красивых, с гладкими нежными лицами, накрашенными глазами и розовыми губами. Читать их посты и думать о том, что у них жизнь продолжается, беззаботная и легкая, когда всего-то надо не забыть в очередной раз лайкнуть чью-то запись. Она даже не могла поверить, что еще только вчера входила в число этих девушек, а уже сегодня она не знает, что делать дальше и как жить с этой новой чужой внешностью.

Янлин легла и отвернулась к стене, чтобы избежать взгляда Юншэна и дальнейшего разговора. Ей хотелось побыть одной, вдоволь пожалеть себя и, может, немного поспать, потому что от капельниц и уколов она чувствовала себя слабой и сонной. Потом она поняла, что не против, чтобы рядом были мама или папа, а лучше они оба сразу.

Юншэн Лю

Юншэн провел рукой по плечу Янлин, когда та отвернулась, затем поцеловал её в макушку головы. Он не знал, как ей объяснить, что это все пройдет, что она могла ему верить, что он никуда от неё не денется, и что её жизнь продолжится не хуже, чем была до вчерашнего дня. Он чувствовал, что пока она в это не верила.

- До вечера, - сказал Юншэн и после этого вышел из палаты.

Он подошел к медсестре на посту и сказал про зарядку для телефона, та обещала что-нибудь придумать и позвала санитарку. Юншэн вышел из клиники и вызвал такси, чтобы быстрее доехать до офиса. Его там уже ждали, но он не боялся немного опоздать. Он подумал, что стоило бы позвонить Чуну сяншену, но в итоге не стал - прораб отвлек звонком, хотел договориться сразу насчет рабочих, которые должны были монтировать вывеску. Юншэну было сложно переключиться на дела, но он старался, потому что от этого зависела его возможность остаться в Пекине. Другого шанса отец мог и не дать.
